

ТАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ

(К 80-летию со дня рождения Б. Даугветиса)

СОЛНЦЕ палило немилосердно. Выйдя из воды, нельзя было устоять на раскаленном песке; казалось, кожа трескалась, будто тебя поджаривали на сковороде.

Мы пошли вдоль пляжа, надеясь позаимствовать у моря хоть немного прохлады.

Миновали мост, потом дальше...

Борисас Даугветис рассказывал, как он был студентом, как выступал против царской власти, что видел и слышал он, участв в институте лесоводства, в театральной школе, затем работая в театрах. Где и какие дела ему приходилось выполнять. Что он испытал, будучи матросом на корабле. Каких людей встречал, какие приключения пережил.

Так и шли, слушая истории Борисаса Даугветиса, катаясь от смеха. Глядим—Швентойи. Целых 12 километров от Паланги, и почти голые, в одних плавках!

Дальше произошло то, что летом в Паланге случается часто. Внезапно солнце скрылось за тучами, подул северный ветер, хлынул холодный дождь. Возвращаться в Палангу берегом моря было немислимо; хлестали ветер и дождь с градом.

Мы бежали. Во время пробега видели людей, разинувших рот от удивления, а может быть и от испуга: кто это соревнуется в такую погоду?

Кое-кто может подумать, стоит ли, рассказывая о таком

человеке, как Б. Даугветис, вспоминать какие-то легкомысленные приключения?

Много говорят и пишут о его творческой работе на сцене. И еще будут говорить, и писать об этом, разбирая его спектакли и роли, определяя его место в истории литовского театра, поднимая его на пьедестал, честь, которой он заслужил.

А я хочу помянуть его с пьедестала и пройти с ним по нашей дорогой земле.

Многие знают и помнят постановки Б. Даугветиса, знают, на какие вершины он, как деятель театра, поднялся в наши дни.

Но многие не знают, например, что Б. Даугветис умел приготовить чудесное биржайское пиво (эта его способность отражается в комедии «Жалдокине»), что он был страстным рыболовом, умел подобрать щуку определенной величины, чтобы она была действительно вкусной, а потом, подвязав передник, засучив рукава, поджарить эту щуку так, что мы уплетали ее так, аж за ушами трещало. Борисас Даугветис был и хороший журналист: публицист, критик, фельетонист, очеркист. И писатель и драматург.

Мало кто знает, что Б. Даугветис был «болешиком»

спорта, особенно бокса. И не только «болешиком». Сам тренировался, боксировал и не раз выступал в качестве судьи в любительских турнирах боксеров в Каунасе.

Б. Даугветис первый из режиссеров литовского театра начал развивать и поощрять литовскую оригинальную драматургию.

В 1931 году я написал, вероятно, точнее будет сказать, пытался написать сатирические сцены, назвав их «Паланга». Не очень-то рассчитывая, что из этого что-либо выйдет, я на всякий случай показал Б. Даугветису самый грязный из моих черновиков. Даугветис пристал: «Пиши дальше! Пиши до конца!»

Бывало, рано утром, когда молочницы стучались в квартиры спящих каунасцев, являлся Борисас.

— Что вчера написал? Показывай.

Иногда, прочитав, вскакивал и, меряя большими шагами комнату, выпаливал скороговоркой:

— Нет, нет, нет! Не так, не так! Ты хорошо начал было во второй картине... Так и продолжай. А это зачеркни и забудь.

Б. Даугветис, как известно, оказал большую помощь Домантасу Сакалаускасу («Деньги Пукиса») и Цицenasу («По-

морье»), а также И. Петрулису, который написал, а Б. Даугветис поставил спектакль о Страздылисе «Против течения», вызвавший немалый переполох среди церковников.

Надеюсь, что не оскорблю памяти покойного П. Вайчюнаса, утверждая, что Б. Даугветис был очень полезен и для его драматургического творчества.

Если К. Бинкис написал свой «Атжалинас», то, можно сказать, сагитированный Б. Даугветисом, при его творческой помощи. И А. Венуолис мог бы признать, что, работая над пьесой «В сумерках», над самым первым оригинальным произведением литовской драматургии, поставленным в первые советские годы, получил очень серьезную помощь от Б. Даугветиса, постановщика этого произведения.

А когда нашим театрам после освобождения Советской Литвы от гитлеровцев понадобился оригинальный репертуар, Б. Даугветис сам стал драматургом и написал актуальные, нужные для того времени пьесы «Новая борозда», «Задача», комедию «Жалдокине».

Неутомимый в творчестве, он был живым, изобретательным, темпераментным в любой области человеческой деятельности.

Люди искусства приносили Борисасу свои произведения, чтобы услышать его отзыв. Многие очень ценили вкус Б. Даугветиса.

Однажды, когда я беседовал с Даугветисом, к нему пришел известный в Каунасе хормейстер и композитор Дамбраскас. Сел за пианино и начал исполнять что-то минорное. Играл, играл и заплакал.

Я взглянул на Даугветиса — и тот пустил слезу!

Но бывало и иначе. Принесит, например, кто-нибудь пьесу. Даугветис полистает рукопись, прочтет что-то на одной странице, на другой и швыряет папку на другую угол стола.

— Так ты ведь не дочитал до конца!

— Нет надобности выпить целую бочку, чтобы понять, какое это вино, достаточно рюмки.

Когда о произведении так отзывается человек, неустанно охотящийся за пьесами для театра, то ему можно верить.

Сейчас Борисасу Даугветису было бы 80 лет. Сейчас он, конечно, не был бы таким, как тогда.

Но для меня, и не только для меня, Борисас Даугветис остался таким, каким я его видел, слышал, понимал и чувствовал. И о каком я здесь рассказывал.

И как часто сейчас его нам не хватает!

А. ГРИЦЮС.